

Гоудань знать не знал, что со стороны казался обычным надоедливym малым, вечно сующим нос в чужие дела. В три прыжка он нагнал бегущих позади мужчин и преспокойно поинтересовался:

— Дядьки, а вы чего бежите-то?

Милиционеры на бегу обменялись раздражёнными взглядами. Тратить драгоценные силы на навязчивого мальчишку у них не было ни малейшего желания.

— А ну проваливай! — прикрикнул один. — Не мешай милиции работать! Живо домой!

— Работать? — уцепился Гоудань. — А какое такое дело вы делаете?

Самый молодой из милиционеров уже едва волочил ноги. Необходимость отвлекаться на глупые вопросы окончательно вывела его из себя.

— Не твоего ума дело, малец! — пригрозил он, пытаясь испугать парня. — Будешь под ногами путаться — и тебя в участок закроем!

Гоудань только ухом повёл и продолжил бежать рядом как ни в чём не бывало. Блюстители порядка совсем пали духом. Что за чёрт? Откуда у деревенского пацана такая прыть? Они сами уже задыхались, хотя тренировались ловить нарушителей изо дня в день. Неужто три здоровых мужика уступят в выносливости какому-то сопляку?

Беглец впереди тоже явно выбивался из сил, но и преследователи дышали на ладан. Однако спекулянта гнал вперёд первобытный страх перед тюрьмой, в то время как милиционерами двигало лишь желание выслужиться, а потому рвения у них было поменьше. Расстояние не сокращалось, и нарушитель вот-вот должен был проскочить городскую черту. И тут одного из преследователей осенило.

— Слышь... малец! — тяжело отдуваясь, прохрипел милиционер. — Интересно тебе?.. Мы... ух... милиция! Ловим спекулянта с чёрного рынка! Будь хорошим советским пионером... помоги настигнуть паразита! Поймаешь — с нас награда!

— Не врёшь? — Гоудань недоверчиво скосил глаза на запыхавшегося служителя закона.

— Зуб даю! — закивал тот.

— Ладно, я попробую. Только он ведь взрослый, вдруг я с ним не сдюжу?

И с диким воплем: «А-а-а-а!» — Гоудань пулей рванул вперёд. Милиционеры так и застыли с разинутыми ртами. Кто же ловит преступников с такими криками? Это же всё равно что заорать: «Эй, сдавайся, я бегу за тобой!». Сами-то они вначале шумели исключительно от безысходности, а вообще предпочли бы подобраться бесшумно и взять спекулянта тёпленьким, с поличным.

Все трое разом остановились, согнулись пополам и упёрлись ладонями в колени, судорожно хватая ртом воздух.

— Слышь, Лао Чэнь, нехорошо так пацана обманывать, — переводя дух, прохрипел один. — Спекулянт этот от отчаяния на всё пойдёт. А ну как у него нож припрятан? Ребёнок же пострадает.

— А чего ж ты раньше молчал, когда я говорил? — огрызнулся зачинщик. — Ради правого дела любые средства хороши. Если что, посмертную похвальную грамоту ему выхлопочем. Да и вообще, это лишь догадки. Не факт, что он его вообще догонит.

Остальные двое поперхнулись от такого цинизма. «Сам бы и лез под пули ради грамоты, никто тебе не мешает героем становиться. А подставлять чужого ребёнка — последнее дело!» — сердито подумали они, но вслух не возразили. Лишь переглянулись и отвели глаза. Против рожна не попрёшь: у этого выскочки имелись связи в верхах. Хоть его пакостный характер и вызывал у всех отвращение, деваться было некуда. У каждого из них дома семьи, дети, которых нужно кормить. Зачем наживать влиятельного врага? Этот тип славился редкой злопамятностью и обид не прощал.

Подобные беспринципные ничтожества всегда внушают страх. Раз уж свалить его одним махом не получится, лучше помалкивать. Оба офицера благоразумно закрыли рты.

Немного погодя их ретивый коллега выпрямился:

— Лао Чэнь, пошли назад. Покрутимся в округе, может, ещё какую лавочку прикроем.

Делать нечего, пришлось плестись следом. На душе было скверно: они оба были и старше, и опытнее этого наглеца, а приходилось ходить под его началом. Обидно и унижительно.

Троица убралась восвояси. А Гоудань тем временем на всех парах мчался за своей добычей. Спекулянт уже видел впереди окраину города, и его сердце наполнялось ликованием. Стоит выбраться наружу, юркнуть в густой подлесок — и ищи ветра в поле! Отсидится месяц-другой дома, пока всё не утихнет, а там можно будет взяться за старое.

Но тут прямо за спиной раздался стремительно приближающийся топот. Беглец похолодел. Свобода была так близко... В его мыслях промелькнуло измождённое лицо больного отца, и в душе вскипела отчаянная, злая решимость. Он уже готов был развернуться и драться насмерть, но не успел — Гоудань поравнялся с ним и весело крикнул:

— Дядь, ты чего удираешь-то? Те милиционеры уже давно назад повернули, а ты всё несешься как оглашенный. Ну не дурак ли?

«Неужели... детский голос?»

Спекулянт от неожиданности запнулся и со всего маху пропахал носом землю. В груди

разлилась ледяная безысходность: споткнуться у самого финиша — это конец. Всё, попался.

— Ну ты даёшь! — залился звонким смехом малец. — Такой большой дядька, а растянулся! Ну и умора!

— Ты ещё откуда взялся? — Оглядевшись, беглец понял, что погони нет. Перед ним стоял лишь этот щуплый мальчишка, весело уперев руки в бока. Половина страха мгновенно улетучилась. Кое-как поднявшись на ноги, мужчина принялся отряхивать грязь и дорожную пыль. Ткань на колене лопнула, сквозь прореху сочилась кровь из содранной кожи. Нога нещадно ныла, заставляя его вздрагивать от боли.

Злоба на мелкого пакостника, из-за которого он так глупо разбил колено, пересилила облегчение. Спекулянт прикрикнул на мальчишку:

— Тебе какое дело, щегол? Шёл бы ты домой к мамке, сиську сосать, а не в дела взрослых соваться! Смотри у меня, быстро сопли на кулак намотаешь!

— Так они сами меня попросили! — ничуть не испугался Гоудань, с любопытством разглядывая незнакомца. — Сказали, догоню — дадут награду. Мол, ты спекулянт. А чем ты спекулируешь-то?

— Но я тебя всё-таки догнал! Да ты ещё и ногу расшиб, теперь точно быстро не побежишь, — ехидно подметил Гоудань с тем самым невыносимым выражением лица, за которое так и хочется дать затрещину. — Если милиция сейчас вернётся, сможешь удрать-то?

Торговец едва не задохнулся от злости. Выждав, пока острая боль в колене немного утихнет, он зорко огляделся по сторонам. Ни души. Резким выпадом он выбросил руку вперёд, намереваясь схватить паршивца за шиворот и проучить как следует. Гоудань даже не шелохнулся. Позволил себя поймать, лишь удивлённо захлопал глазами:

— Дядь, ты чего дерёшься?

— А то, что сейчас я тебя уму-разуму научу, чтоб нос свой куда не надо не совал! — злобно процедил мужчина, пытаясь заломить парню руку за спину и уложить лицом в грязь.

Но Гоудань дураком не был. Стоило ему понять намерения нападавшего, как он мгновенно перехватил чужое запястье. Одно резкое движение, разворот корпуса — и грузное тело спекулянта с глухим стуком впечаталось в землю. Мужчина аж воздух ртом заглотил, умудрившись при падении прикусить язык. Боль парализовала горло, а задница, казалось, раскололась на мелкие кусочки.

— Да кто ты... кха... такой?! — просипел бедолага, хватаясь за ушибленный бок.

Откуда у ребёнка такая чудовищная силища? Даже натренированные милиционеры не могли

вот так запросто, одним движением, перемахнуть через себя взрослого мужика весом под семьдесят килограммов!

«Может, это карлик? Взрослый агент под прикрытием, загримированный под подростка? Но нет, больно уж лицо у него детское, гладкое, да и сложением чистый пацан».

— Я же просто спросить хотел, — добродушно проворчал Гоудань. — А ты сразу драться лезешь. Ну что за люди пошли?

Раз уж этот тип высматривал свидетелей, Гоудань тоже умел соображать. Раз вокруг никого нет, то, даже если он сейчас намнёт спекулянту бока, жаловаться тому будет некому.

— Да ничего я... плохого не делал, — запричитал тот, потирая плечо. — Просто... обменивался вещами с людьми. Кому что нужно, понимаешь?

— А что тогда такое спекуляция и незаконная торговля? — не отставал малец.

Торговец прикусил язык. Он окончательно убедился, что с этим странным пареньком шутки плохи. Немного помолчав, он осторожно спросил:

— Слушай, малец, ты сам-то чьих будешь? Зачем бежал за нами? И с чего вдруг решил помочь легавым меня поймать?

— Да так, забавно показалось, — ухмыльнулся Гоудань.

«Ага, разбежался я тебе всю правду выкладывать!»

— Но они обещали хорошую награду, если я тебя приведу. Конфет там отсыплют, или ещё чего повкуснее...

— Ой, не надо! — взмолился спекулянт. — Врут они всё, эти легавые! Слышь, давай лучше я сам тебе конфет куплю? Самых лучших! Только не сдавай меня им, ладно?

— Хм, надо подумать... — протянул Гоудань, сделав вид, что колеблется.

— Подумай, миленький, очень тебя прошу!

Торговец затаил дыхание. Больше всего он боялся, что этот ненормальный пацан действительно потащит его в участок. Силища у него нечеловеческая, а в голове — детская блажь. С взрослым-то всегда можно договориться, предложить долю, найти общий язык. А у этого в голове ветер. Решит совершить «геройский поступок» ради похвалы в школе — и поминай как звали.

— И всё-таки, что за зверь такой — спекуляция и незаконная торговля? — подозрительно

прищурился Гоудань. — Раз за это ловят, значит, ты точно натворил что-то скверное?

— Да какое там скверное! — зашептал торговец, подавшись вперёд. — Гляди сам: людям ведь каждый день нужно что-то есть, во что-то одеваться. А в магазинах шаром покати, да и денег у многих нет, а уж талонов и подавно! Вот я и помогаю. Достаяю мясо, зерно, привожу тем, кому деваться некуда. Кто-то деньгами платит, кто-то барахлом домашним меняется. Но начальство наше, сам знаешь, частников на дух не переносит. Вот и гоняют нас как собак.

— И за это в тюрьму сажают?

— ... Ну да, сажают, — нехотя признался он.

Гоудань сочувственно похлопал его по плечу:

— Раз запрещено, зачем тогда лезть на рожон? Непослушных у нас не любят. Я вот знаю, что в снабженческо-сбытовом кооперативе всё только по талонам да за наличные продают. Наверное, ты на этом деле знатно разжился, а?

Спекулянт забегал глазами, соображая на ходу:

— Да кто ж по своей воле на такое пойдёт? Дело-то опасное! Но куда деваться, коли дома семеро по лавкам, а жрать нечего? Отец в прошлом году занемог сильно, денег на докторов не было, вот и запустили болезнь. Теперь лежит пластом, подняться не может... Эх! Слушай, братишка, раз уж судьба нас свела, давай миром разойдёмся? Не поминай лихом. Отпусти меня, а? Я, Лю Шуньцзе, вовек твоей доброты не позабуду!

— М-да, — неопределённо протянул Гоудань.

И снова воцарилось молчание. Лю Шуньцзе так и замер в томительном ожидании. Он попробовал было аккуратно убрать руку мальчишки со своего плеча, но Гоудань лишь сильнее прижал его к земле.

«Да что ж тебе надо-то, вылупок проклятый?!» — взмолился про себя спекулянт.

После долгой паузы Гоудань тяжело, сокрушённо вздохнул и посмотрел на небо:

— Не, дядь. Думаю, надежнее будет всё-таки сдать тебя товарищам милиционерам.

У Шуньцзе внутри всё оборвалось. Да что ж такое! Опять двадцать пять! Только ведь всё обсудили, и снова здорово!

— Постой, не надо! — взмолился торговец. — Давай так: я с тобой поделюсь? Навар пополам, а? Считаю это той самой наградой за поимку, только без всякой милиции!

— М-да... — протянул малец.

Опять это его «м-да»! С ума сойти можно!

— И сколько же? Какую такую «награду» ты мне сулишь?

«Какая, к чёрту, награда! Обычный грабёж среди бела дня!» — мысленно взывал Шуньцзе.

Надо же, как ловко этот сопляк вымогательство благородным словом обозвал! Видать, не в первый раз прохожих на гоп-стоп берёт. С деньгами расставаться не хотелось до слёз — он ведь не зря тут сопли распускал, жалостливые истории выдумывал. Копеечка к копейке трудом и потом доставалась! А этот мелкий паршивец, оказывается, тот ещё выжига, сразу почуял, где поживиться можно.

Нехотя копаясь в карманах, Шуньцзе лихорадочно соображал:

«Да уж, прижали нынче нашего брата. Видать, придётся соглашаться на предложение двоюродного брата — везти антиквариат за кордон. Говорят, там деньжищи крутятся немереные».

До сих пор он трусил, промышлял по мелочи в округе, но при мысли о тех нескольких древних вещичках, что он припрятал на чёрный день, на душе стало жарко. Может, и впрямь рискнуть по-крупному?

Из глубин засаленной куртки Шуньцзе извлёк пригоршню измятых, грязных купюр мелкого достоинства. С величайшей неохотой он протянул это богатство Гоуданю:

— Вот, держи, братишка. Даже считать не буду, всё забирай. Считай, вхолостую сегодня сработал. Домой вернусь — а там шаром покати, даже каши сварить не из чего... Эх.

Гоудань даже руки не протянул. Он лишь широко, беззубо улыбнулся — передние зубы у него ещё только прорезались, зияя забавными щербинами:

— Да брось ты, братец Лю. Оставь себе на кашу.

Шуньцзе аж просиял от радости, но следующая фраза мальчишки заставила его оцепенеть:

— Мне твои копейки без надобности. Ты мне лучше покажи, что это у тебя там, во внутреннем подкладе, так красиво шуршит и яркими красками так и светится? Денег не надо, отдай мне те красивые бумажки.

Дыхание Шуньцзе стало тяжёлым и прерывистым. Он в упор уставился на пацана, силясь понять, издевается тот или вправду дурачок. Но физиономия Гоуданя оставалась всё такой же невинной и простодушной.

«Как же я ненавижу эту фальшивую простоту!»

— Что, жалко? — Гоудань обиженно надул губы, и его пальцы на плече торговца снова слегка сжались. Лю Шуньцзе мгновенно одеревенел.

Сцепив зубы от бессильной злобы, спекулянт засунул руку глубоко под подкладку и вытащил увесистую пачку. В отличие от тех мятых копеек, эти купюры были новенькими, хрустящими, сложенными один к одному. Гоудань отродясь не видел таких крупных денег — даже десятирублёвки ему на глаза никогда не попадались, не говоря уже о редких талонах снабжения.

Мальчишка требовательно уставился на него, безмолвно приказывая объясниться. Шуньцзе замешкался. Сам грешен — соврал пацану, вот теперь и трусит. Будь он посмелее да похладнокровнее, мигом раскусил бы наивность малолетки, но страх ослепил его.

— Это... это... — судорожно сглотнул торговец, — тут ровно пятьсот юаней.

Гоудань промолчал, и Шуньцзе испуганно замер. На самом деле у мальчишки просто дух перехватило.

«Ого! Вот это куш! Неужто спекулянты и впрямь гребут деньги лопатой?»

Взгляд Гоуданя невольно загорелся жадным любопытством. Заметив этот хищный блеск, Шуньцзе скрепя сердце полез обратно за пазуху и достал ещё одну пачку:

— Всё! Больше нет, провалиться мне на этом месте!

Глаза Гоуданя вспыхнули ещё ярче. «Ага, — подумал он, — значит, проверяет меня, крохи скармливает!» Старик Чжан когда-то рассказывал ему, как хитрые торговцы прячут наживу. Если на караван нападают разбойники, купец падает на колени, льёт слёзы и отдаёт кошелек, божась, что это последнее. Коли воры поверят — основная казна спасена. А коли нет — приходится отдавать частями, раз за разом, пока грабители наконец не решат, что обобрали бедолагу до нитки. Спаситься от такого можно, только если тебя догола разденут.

Либо отпустят, либо прирежут. Но торговый люд всегда стремился припрятать хоть заначку — чтобы, коли выживешь, на паперти не стоять, а коли помрёшь, так хоть на приличные похороны хватило, чтобы не мыкаться нищим на том свете!

Вот Гоудань и решил опробовать старинную науку на практике. Он упорно продолжал молча давить на плечо, пока Лю Шуньцзе не выгреб из всех потайных швов больше тысячи юаней! Сумма по тем временам была просто астрономической. Обычный деревенский пацан таких цифр даже на уроках арифметики не проходил — у него бы просто в голове не уложилось, сколько это.

Шуньцзе был на грани безумия. Хотел было броситься на сопляка с кулаками, попытать счастья, но стоило ему дёрнуться, как малец слегка нажал на какую-то точку у него на шее — и

тело спекулянта мгновенно обмякло, лишившись всяких сил. Сопротивление было бесполезно. А ведь эти деньги он копил годами, сбывая краденый антиквариат и дефицитные товары! Прятал так надёжно, что ни жена, ни хворый отец даже не догадывались об их существовании.

В этот раз он просто почуял неладное, решил, что старый тайник раскрыт, и выкопал всё до последней копейки, чтобы перепрятать в надёжном месте. Думал: провернёт дельце и схоронит казну. И надо же было так вляпаться! Мало того, что милиция на хвост села, так ещё и этот чертёнок его обобрал! Но рисковать и упрямыться Лю Шуньцзе не смел. Попадись он властям с такой прорвой денег — его бы точно приговорили к расстрелу за экономические преступления в особо крупных размерах. И пиши пропало.

На лице спекулянта судорожно заходили желваки. Его буквально трясло от дикой смеси злости и щемящей тоски по уплывающему богатству.

Гоудань тупо уставился на толстые пачки разноцветных банкнот и талонов. Вдруг в его душе поднялось смутное беспокойство, переросшее в настоящий испуг. Слишком много денег. Ему, простому деревенскому парню, такую гору богатства и девать-то некуда, да и боязно.

Пока парень раздумывал, Шуньцзе, у которого сердце кровью обливалось, утешал себя древней мудростью:

«Пока горы зелены — дрова найдутся. Буду жив — непременно разыщу этого негодника и шкуру с него спущу!»

Сейчас он вымотался до предела и хотел лишь одного: поскорее убраться отсюда, пока на дороге снова не показались служители закона.

Скрипнув зубами, торговец сгрёб добрую половину банкнот вместе с талонами и толкнул их в сторону Гоуданя. Тот никак не отреагировал, и тогда Шуньцзе молниеносно запихал оставшуюся часть денег обратно за пазуху. Резким рывком сбросив руку мальчишки со своего плеча, он с трудом поднялся и, сильно прихрамывая, поспешил скрыться в лесной глуши.

Гоудань, погружённый в свои невесёлые думы, упустил момент и позволил ему уйти. Когда спекулянт скрылся из виду, парень так и остался стоять, растерянно глядя, как лёгкий ветерок шевелит и разносит по дороге хрустящие бумажки. Опомнившись, он вдруг почувствовал, что эти купюры словно обжигают ему руки. На душе стало беспокойно.

«Назад-то деньги уже не вернёшь, он всё равно не поверит, что я передумал. Да и врага я себе нажил смертельного. Оставишь бумажки здесь — он решит, что я над ним поглумился, а сам побегу стучать в милицию. Тогда точно выследит, узнает, где живу, и прирежет ночью!»

Гоудань испугался не на шутку. Не мешкая больше ни секунды, он сгрёб все деньги и талоны до единого, запихал их на самое дно школьной сумки и сломя голову бросился обратно в город. Там он для верности попетлял по глухим переулкам, путая следы, перемахнул через пару

заборов и лишь после этого выбрался на окраину.

Убедившись, что хвоста за ним нет, он во весь дух помчался к заброшенной пустоши за городской чертой, где его дожидался Ван Сюань.

<http://bllate.org/book/19654/1996715>